

В день, когда забрали отца, стояла прекрасная погода.

Мацуда Дзинпэй помнил это совершенно отчетливо, потому что солнечный свет пробивался сквозь окно, высвечивая каждую пылинку, висевшую в воздухе над гостиной. Несколько людей в форме стояли у порога. Отец закинул полотенце на шею и сказал: Дзинпэй, умница, папа ненадолго отлучится.

А потом дверь закрылась.

С того дня сестра словно переродилась. Она больше не напевала песен, перестала прятать его тетради ради шутки, а возвращаясь из школы, запиралась в комнате и часами сидела над исписанным листом бумаги, выписывая что-то неведомое.

Мать порой тихо плакала по ночам. Услышав это, сестра выходила, протягивала ей стакан воды и говорила: Мам, всё в порядке, папа вернется.

Голос сестры звучал ровно. Мацуда знал, что она обманывает маму. Ведь по вечерам сестра тайком уходила на кухню и звонила кому-то, понизив голос до едва слышного шёпота.

На третьей неделе после задержания отца исчезла и сестра.

Мацуда обнаружил это, когда вернулся из школы. Он отпер дверь ключом, и в квартире повеяло остывшей пустотой. На кухне плита была холодной, а стикер на холодильнике слегка перекосялся — его прилепила сестра со словами: Подожди, пока папа вернется, я приготовлю омлет по новому рецепту.

Он крикнул: Сэмпай! То есть: Сестра! Ответа не последовало.

Он крикнул еще раз, на этот раз громче. Швырнув ранец на пол, он принялся обшаривать комнату за комнатой. Футон сестры был аккуратно застелен, тетрадь на столе раскрыта, но задание брошено на третьем вопросе, а карандаш скатился к самому краю и балансировал на волоске. Мацуда вспомнил эту ее привычку: если что-то отвлекало ее посреди работы, она бросала всё как есть и никогда не убирала на место.

На обувной полке в прихожей не хватало ее любимых кроссовок — тех самых, которыми она так дорожила.

Мацуда замер в прихожей, долго глядя на опустевшее место. Затем он подошел к журнальному столику в гостиной — на нем лежал лист бумаги.

Белый, с идеально ровными краями, а на нем — строчка печатного текста:

Дело Мацуды Дзётаро на этом закрыто.

Мацуда взял записку в руки и перевернул: с обратной стороны ничего не было. Он даже поднес ее к свету — пусто. Долго вглядываясь в напечатанные буквы, он наконец сложил записку и засунул ее в самый глубокий карман школьных брюк.

Он прошел на кухню, снял трубку стационарного телефона и набрал сотовый сестры. Часы на его запястье были теми самыми, что сестра выиграла на соревнованиях в прошлом месяце, а отец подарил ей; они были синими, и хотя сестра ворчала, что они ей не нравятся, носила их каждый день.

Гудки шли и шли. Никто не отвечал.

Он набрал номер снова. Опять тишина.

В этот момент раздался звонок телефона Хагивары Кэндзи.

Мацуда! — голос Хагивары прозвучал звонко и бодро, как всегда. — Ты почему сегодня не пришел в мастерскую? Мы же договаривались: сделаешь уроки и придешь рубиться в приставку!

Спустя секунду, сжав трубку, Мацуда выдавил из себя: Ты не приходил?

Да я пришел, уже давненько жду, — ответил Хагивара. — Твоя сестра разве не говорила, что приведет тебя? Стоп, погоди-ка... Мацуда, а где твоя сестра?

Мацуда молчал. Его взгляд упал на то место на журнальном столике, где лежала записка: древесина там казалась чуть светлее остальной поверхности.

Мацуда? — голос Хагивары стал серьезнее. — Что случилось?

Перезвоню. — Мацуда повесил трубку.

Он бросился в комнату сестры и выдвинул самый нижний ящик письменного стола. У сестры была тетрадь в синей обложке, которую она никому не позволяла трогать, заявляя: Дзинпэй, ты всё равно не поймешь.

Сейчас ящик наполовину опустел — тетрадь пропала. Но в самом дальнем углу лежала сложенная бумажка. Вытащив ее, он развернул листок: это был аккуратный, изящный почерк сестры:

Дзинпэй, твоя старшая сестрица отлучится ненадолго, скоро вернусь. Позаботься о себе. Маме пока ничего не говори, дождись меня. — Цукуми.

Позаботься о себе.

Мацуда уставился на эти четыре иероглифа. Долго вглядывался, а затем перевел взгляд ниже, на слова: не говори маме, дождись меня.

В горле внезапно встал ком.

Он стоял посреди комнаты сестры, сжимая записку. Вокруг царил такая тишина, что было слышно, как работает телевизор у соседей за стеной.

Простояв так долгое время, он аккуратно сложил записку, положил ее рядом с той, напечатанной на принтере, и засунул в тот же карман.

Хагивара прибежал.

От дома Мацуды до автомастерской семьи Хагивары было всего пять минут ходьбы. Бросив гаечный ключ на прилавок, Хагивара со всех ног бросился к другу. Когда он с размаху толкнул калитку во двор, Мацуда сидел на полу в прихожей, прижав к коленям оставленную сестрой записку, опираясь руками о пол и уставившись в одну точку.

Хагивара присел рядом, заглянул в записку и на секунду умолк. Потом перевел взгляд на печатный листок на столике, прочитал его, и лицо его заметно посветлело.

Мацуда... — нарушил тишину Хагивара. — Кто это оставил?

Не знаю. — Голос Мацуды звучал тихо, совсем не по-обычному. — Но я знаю, что ее кто-то забрал.

Ты маме сказал?

Нет, — покачал головой Мацуда. — Маме и так тяжело.

Хагивара умолк. Он сел рядом с Мацудой, плечом к плечу. Долгое время они молчали, а потом Хагивара произнес: Тогда мы сами ее найдем. Завтра воскресенье, я приду спозаранку, и мы пообедем на велосипедах все места, куда она могла пойти. Магазины, книжные, вокзал, библиотеку — проверим каждый угол.

Мацуда кивнул.

И еще, — добавил Хагивара. — А что с твоим папой? Ему можно позвонить оттуда? Может...

Не надо ему говорить. — Мацуда ответил быстро, словно боясь передумать. — Он всё равно ничего не сможет сделать.

Хагивара бросил на него быстрый взгляд. Глаза Мацуды, устремленные в пол, покраснели по краям, но он яростно провел по ним рукавом, словно стирая нечто недопустимое.

В тот вечер, когда мама вернулась, Мацуда как ни в чем не бывало поужинал, сел за уроки и почистил зубы. На мамин вопрос «А где сестра?» он ответил: Ушла к однокласснице делать уроки, вернется позже.

Голос его не дрогнул.

Но стоило ему погасить свет и лечь в постель, как он свернулся в крошечный комочек под одеялом, прижав колени к груди и уткнувшись лицом в подушку, и приложил все силы, чтобы не заплакать в голос. Подушка быстро намокла от слез; тогда он перевернулся, подставив сухую сторону.

Лунный свет из окна пал на фотографию сестры.

На снимке она улыбалась со смущенным румянцем на щеках, закинув руку ему на плечо.

Мацуда долго смотрел на эту сияющую улыбку, а затем закрыл глаза и прошептал про себя:

Сестренка, возвращайся скорее.

Ответа не последовало.

На следующее утро в шесть часов в дверь уже стучал Хагивара.

Когда Мацуда открыл, под его глазами залегли темные круги. Хагивара заметил их, но ничего не сказал — лишь выкатил из двора велосипед, хлопнул по сиденью сзади и бросил: Залазь.

Мацуда забрался на багажник, прижав руку к карману брюк. Внутри лежали те две записки, смятые им в тугие комки.

Мама первой почуяла неладное.

Вернувшись из супермаркета с пакетом яиц, она увидела, что Мацуда в одиночестве ест в прихожей — холодное бэнтэ, в пальцах до боли сжаты палочки.

Она спросила: А где твоя сестра? — и Мацуда поднял голову: Должно быть, у друзей.

Мама пару секунд вглядывалась в него, и от этого взгляда ему стало не по себе. Затем она медленно опустила пакет с яйцами, и ее голос едва заметно задрожал: Дзинпэй, куда ушла твоя сестра?

Мацуда опустил голову и молчал.

Мама повторила вопрос, на этот раз громче. Мацуда по-прежнему не издавал ни звука. Тогда она подошла к нему, присела на корточки и крепко схватила за плечи: Дзинпэй!

Он наконец заговорил: Я не знаю. Я пришел из школы, а ее уже не было.

Мапины руки ослабли. Она смотрела на сына, ее губы беззвучно шевелились, словно она хотела что-то сказать, но не могла. Потом она поднялась и принялась снова переворачивать всю квартиру вверх дном: шкафы, пространство под кроватями, балкон, ванную — комнату за комнатой, и с каждой минутой ее пальцы дрожали всё сильнее.

Наконец, застыв посреди гостиной, она словно до конца осознала происходящее, и ее голос сделался совсем слабым: Дзётаро все еще там... и Цукуми пропала...

Она опустилась прямо на пол. Она не плакала в голос, но ее плечи мелко дрожали.

Мацуда подошел и встал рядом. Он не знал, как ее утешить. Положив руку матери на голову, он неловко похлопал ее — так, как она сама хлопала его в детстве.

На следующий день мама отправилась в полицейский участок.

Ее принял молодой сотрудник в очках. Выслушав ее, он пощелкал по клавиатуре, поднял голову и переспросил: Вы говорите, ваша дочь пропала три дня назад?

Да, — ответила мама хриплым голосом.

Есть ли записи с камер? Свидетели? Оставила ли она какие-нибудь вещи?

Мама замялась и бросила взгляд на Мацуду. Тройка... Мацуда стоял у выхода, засунув руки в карманы и сжимая те две записки. Он не стал их доставать.

Нет, — произнесла мама. — Ничего нет.

Полицейский вздохнул, добавил пару строк в бланк и сказал: Мы регистрируем заявление,

если что-то узнаем — сообщим. Тон его был таким будничным, будто речь шла о какой-то банальной ежедневной мелочи.

Мацуда вдруг подал голос: Она не могла уйти сама.

Полицейский поднял на него глаза: Малыш, иди подожди на улице...

Она бы не ушла, ничего мне не сказав. Мы каждый день возвращались вместе. — Мацуда говорил тихо, но отступить не собирался. — Ее кто-то увел.

Полицейский помолчал пару секунд, и его тон чуть смягчился: Малыш, мы понимаем, что ты переживаешь за сестру. Но твоя мама уже дала показания, мы передадим их наверх. Иди домой и жди вестей, хорошо?

Мацуда еще немного посверлил его взглядом. Наконец он кивнул, развернулся и вышел.

Мама пробыла в участке еще больше часа. Выйдя оттуда с заплаканными глазами, она молча взяла его за руку, и они побрели домой.

На третий день из участка позвонили.

Тот самый полицейский заглянул к ним домой, принес с собой вещдок в пластиковом пакете. Внутри лежали разбитый смартфон и разноцветный плетеный браслет; чехол телефона был кремового цвета, а на его заячьих ушках виднелись следы от ожогов.

Его обнаружили неподалеку от места взрыва на заброшенном складе в пригороде, — пояснил полицейский. — Судя по размерам и материалу, это с большой вероятностью женские вещи. Взгляните...

Мама судорожно вцепилась в руку Мацуды, так крепко, что ногти впились в кожу.

Это всего лишь вещи, — торопливо добавил полицейский. — Не обязательно, что...

Взрыв? — перебил его Мацуда, не сводя глаз с пакета. — Где?

Старая промзона. Точный адрес мы пока не можем разглашать...

Старая промзона — то самое место, где подставили отца. Мацуда умолк.

Он долго смотрел на вещдок, а в голове вихрем проносились воспоминания о тех украшениях, что были на сестре в день исчезновения: браслет из цветных нитей, который он сам научился

плести специально для нее. Нить тогда немного распустилась, и сестра пообещала, что при случае непременно починит его точь-в-точь как было.

Он не знал, был ли это телефон сестры. Но он точно знал, как сильно она дорожила этим чехолком.

Полицейский передал пакет матери, заговорив о том, что в случае продвижения дела они сообщат, и попросил держать телефон включенным. Мацуда пропустил эти слова мимо ушей. В его памяти застряло лишь одно: взрыв. Старая промзона.

С тех пор целыми днями напролет Мацуда и Хагивара после школы пускались в бега. Они садились на поезд, ездили в район Токийского залива и обходили улицу за улицей, расспрашивая продавцов в магазинах, почтальонов и курящих на углу мужчин, не видел ли кто девушку с короткими черными волосами в белой одежде.

Никто не видел.

Они даже наведались к тому заброшенному складу. Вокруг здания была натянута полицейская лента, а на земле чернели следы копоти, тянувшиеся далеко в придорожную траву.

Мацуда стоял за ограждением, не отрывая глаз от опаленной земли. Когда налетал порыв ветра, в нос неизменно бил въедливый запах паленого пластика вперемишку с железной гарью.

Хагивара стоял рядом и тихонько проговорил: Мацуда, пойдем отсюда.

Мацуда не шелохнулся. Лишь спустя долгое время он произнес: Когда она бежала отсюда, ей, наверное, было очень больно.

Хагивара сжал кулаки, но ничего не ответил.

Они так ничего и не добились. Ни свидетелей, ни номерных знаков, ни записей с камер — абсолютно ничего. Словно сестра никогда и не существовала на свете.

Но в тот же вечер, склонившись над столом, Мацуда вывел в своей тетради одну-единственную строчку.

Буквы получились кривыми, но каждое движение руки было исполнено сил.

Я вырасту и стану полицейским. Никому другому это не доверю. Найду ее сам.

Пришедший к нему домой Хагивара заглянул через плечо, помолчал немного и сказал: Тогда я

тоже стану полицейским.

Мацуда поднял на него глаза.

Хагивара почесал в затылке и смущенно улынулся: На одном велосипеде твою сестру не догонишь, скорость не та. А в полиции можно будет водить машину.

Мацуда долго смотрел на друга. Наконец он фыркнул носом и бросил: Дурак.

Но с того дня в его тетради появилась новая страница. Наверху красовалось слово Цель, а ниже шли пункты: механика и разборка устройств, основы взрывного дела, физическая подготовка, экзамены, вождение патрульной машины.

Два десятилетних мальчика: один записал чужое имя, другой — свое.

За окном ярко сияла луна, освещая лежащую на столе тетрадь в синей обложке. Тетрадь сестры всё еще была при нем, наполовину пустая — и эта пустота зияла обещанием, которому уже не суждено было исполниться.

<http://bllate.org/book/21192/2145566>